

С. Полякова

АНТИСРАВНЕНИЯ И СРАВНЕНИЯ ВВЕДЕНСКОГО

Нам непонятное приятно,
необъяснимое нам друг.

А. Введенский.

Сравнения занимают чрезвычайно важное место в запасе художественных средств Введенского.¹ По своему характеру они разбиваются на две неравные группы — на традиционно сконструированные по принципу сходства между двумя понятиями, обнаружение которого доставляет умственное наслаждение, и на антисравнения, основывающиеся на принципе алогичности, то есть иллюзорной связи несходного, когда члены компарации насильственно придвинуты друг к другу и зажигается, говоря словами Введенского, "звезда бессмыслицы" (19). Умственное удовольствие здесь достигается противоположным образом — обнаружением нонсенса, и чем разительнее разрыв между сравниваемым и сравнивающим, тем щедрее оно удовлетворяется.

Из очень большого количества случаев здесь отобраны, как представляется, наиболее показательные, чтобы можно было уяснить себе, как Введенский строит свои сравнения. Его особый взгляд на мир, как это ни парадоксально, проявляется не столько даже в нонсенсных сравнениях, хотя они и очень причудливы, а в таких, где поэт усматривает логически оправданное общее там, где оно для других остается закрытым.

Самая обширная группа — антисравнения, обнаруживающие свой алогизм либо в том, что между членами сравнения нет ничего общего, либо одному из компонентов приписываются отсутствующие у него или нетипичные качества, на основании которых создается псевдо-аналогия или, иначе сказать, нонсенс. В компарациях типа фонарь как царь висит (29) или —

солнце тихо как наука
рощи скучные печет (29)

— отчетливо видна логическая несопоставимость попятый царь — фонарь и наука — солнце, сближенных на основании таких не свойственных им состояний и действий, как висеть и печь, или, как в стихе "как жуир спешит тапир" (21) понятий жуир — тапир, где жуиру приписывается торопливость шага, огню же не входящая в ряд типичных для него качеств.

Аналогично нонсенсны такие сравнения, как: ускакала как минога (4), а если зря лежишь в горячке // как бы коран как бы коран (4), как чистокотл меня тошнило (2), и все там смеялись как вереск (2), или: глаза как орехи закрылись (24), (человек — С.П.) на меня глядит как эхо (22), и ты окончишь путь рыгая как пальма и лото (19), и эири, чины и болезни // плавают как липки в бездне (19); а также: тут привстал один судья как проворная бадья (18), сын танцует как выстрел (28), тут две приятные лопатки // как бы солдаты и палатки (20); и наконец:

в стекле испуганном и плотном (речь о зеркале — С.П.)
тебя мы видим все бесплотным,

ты не имешь толщины,
как дети, люди и чины (10).

Еще два примера:

Тут раскаленные столы
Стоят как вечные котлы,
и стулья как больные горячей
чернеют вдали живою пачкой (19)

Лежал на полу
Степанов-Песков
подобно орлу
без сапог и носков.
Лежал он босой
как шиповник (24).

В последнем примере бессмыслица мультиплицирована наличием двух алогичных сравнений — сначала отсутствие носков и обуви на ногах Степанова-Пескова сравнивается с босоногостью орла, а затем и шиповника, точно эта особенность присуща им и они не разделяют ее с другими представителями мира органической природы. Перед нами, таким образом парад бессмыслицы — скачущая минога, лежащий в горячке коран, испытывающий тошноту частокोल, смеющийся (не метафорически!) вереск, закрывающиеся орехи, глядящее эхо, рыгающие пальма и лото, плавающие в бездне чины (не синекдоха!) и многое тому подобное.

Особую и сравнительно многочисленную группу антисравнений составляет их гротескная разновидность; здесь не только отсутствуют черты общности, на основании которых можно было бы сблизить между собой оба члена компаративной формулы, но самое сближение остро гротескно: я спал как Боже мой уха (4), борзой пес совсем как ложка (2); или

Вновь курсистка появилась, как лапша,
И студент над ней склонился, как дупа (24).

Такого же гротескного характера следующие сопряжения:

Он и умер и погиб
Как двустволка и полип (11)
Она (лягушка — С.П.) взлетела со стола
как соловей и пастила (21)
пашкой машет вправо влево
как сундук и королева (21).

В области собственно сравнений своеобразное воображение поэта намечает парадоксальные логические связи, необычные токи сближения предметов и явлений. Так, жадное поглощение халвы сравнивается с тем, как волны поднимают берега —

А гости веселы, довольны,
Меж тем глотали часть халвы
с угрюмой жадностью волны (19),

с волной дважды сопоставляются бег лошади и движение ее роющих землю копыт: несутся лошади как волны (28), И лошадь моя как волна // Стояла и била копытом (28).

Такого же типа полные наблюдательной неожиданности сравнения черного кафтана с норой — в кафтане черном как нора (2), вина с монахом-черноризцем

— вино чернело как монах (20), цвета земли с цветом фрака — земля черна как фрак (8), бега лошадей с бегом колес — наши лошади бежали как колеса по пыли (8), появление на эстраде оркестрантов вследствие схожести их концертного костюма с оперением пингвинов со сбором этих птиц на скале — музыканты собирались // как пингвины на скалы (17), развязки битвы с бритвенным лезвием —

Концы ужасной этой битвы
остры как лезвие у бритвы (23).

Видение поэта настолько непривычно, что алогизм может почудиться там, где он отсутствует: ведь гротескная экстравагантность в известной степени ослабляет рациональные основы, на которых держится связь частей компаративной формулы, как в случаях такого, например, рода:

Словно конфеты лежали сыновья поперек комнаты
(28)

А курсистка как карета напыленная стоит (24)
княгиня Маня Щепина
в гробу лежала как спина (4).

В первом примере люди, тесно друг к другу лежащие поперек комнаты, могут вызвать логически оправданную, но крайне причудливую ассоциацию с аккуратными рядами конфет в коробке. О сравнении курсистки с запыленной каретой или, может быть, запыленной от длительной ходьбы курсистки с каретой (обычное отсутствие в текстах Введенского интерпункционных знаков не позволяет здесь и в большинстве других стихов быть уверенным, как автор мыслил себе прочтение текста) следует сказать то же: с точки зрения запыленности или процесса стояния сопоставление курсистки и кареты, несмотря на крайнюю гротескность, логически правомерно. Тело же княгини Щепиной сравнивается с прямой спиной, что в общем не противоречит логике, хотя столь за пределами обычного круга представлений, что приближает гротескное сравнение, к границам бессмысленности.

Многие сближения Введенского, балансирующие между заумью и логикой, бывают высоко поэтичны, как, например: весь мир, как снег, прекрасен (31). Нередко поэтичны и вполне рациональные, но неожиданные сравнения:

Вот пять лет живем мы вместе...
как река и берега,
как долина, как гора (24),

и особенно:

Мы чуем камни просыпаются,
они заводят разговор,
они как листья осыпаются
с вершины благородных гор (27).

Примечание

¹ Тексты цитируются по изданию: Александр Введенский. *Полное собрание сочинений*. Вступит. статья, подготовка текста и примечания Михаила Мейлаха. Том 1-2, Анн Арбор 1980.